

ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ «СХИЗИСА» МЕЖДУ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИЕЙ

.....

Г.Ю. Фоменко¹

Вынесенная в название статьи тема чрезвычайно актуальна для современного состояния психологии и имеет личностную профессиональную подоплёку для самого автора.

Термин «схизис» (греч. *shisma* – расщепление) по отношению к состоянию современной психологии был применён Ф.Е. Василюком в 90-е гг. XX в. [4]. Впоследствии А.В. Юревич [16, 18], квалифицируя положение дел в психологии как системный кризис, также использовал это понятие, акцентируя внимание на расщеплении психологии на исследовательскую и практическую.

С ними солидарны и другие психологи. По мнению А.М. Эткинда, исследовательская и практическая психология фактически представляют собой две разные науки, использующие разные «языки», разные «единицы» анализа и различные «логики» его построения [15].

Обсуждая постмодернистские перспективы развития психологии, М.С. Гусельцева подчёркивает, что специфика современной психологии связана с дезинтеграцией в самих её основах. При этом особенно зримо увеличился разрыв между академической психологией и профессиональной практикой [5, с. 66].

Ф.Е. Василюк выделяет также аспект социальной разобщённости этих двух ветвей психологии, проявляющийся в размежевании соответствующих сообществ. «Психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности диссоциированной личности: у них нет взаимного интереса, разные авторитеты (уверен, что больше половины психологов-практиков затруднились бы назвать директоров академических

¹ Фоменко Галина Юрьевна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии КубГУ. Эл. почта: fomgal27@mail.ru

институтов, а директора, в свою очередь, вряд ли информированы о “звездах” психологической практики), разные системы образования и экономического существования в социуме, непересекающиеся круги общения с западными коллегами» [4, с. 26].

А.В. Юревич указывает, что образование двух *социодигм* – психологических сообществ, занятых преимущественно академической или практической психологией, есть одно из проявлений этого социального аспекта современной стадии кризиса [17, 18].

В настоящее время ситуация несколько начинает меняться, хотя и не кардинальным образом.

Цель данной статьи – обсудить возможные пути преодоления данного положения дел на основе анализа характера и тенденций взаимоотношений исследовательской и практической психологии. При этом излагается прежде всего собственный взгляд автора, которому в силу специфики профессиональной деятельности, а соответственно и профессионального позиционирования всегда приходилось выступать в двух ипостасях, так как автор является практическим психологом силового ведомства.

Говоря о трёх источниках и трёх составных частях психологического знания, А.В. Юревич называет «психологическое исследование», «психологическую практику» и «обыденную психологию».

Любопытно, что практической психологии как таковой просто не существовало в советский период развития отечественной психологии [11], и это, по мнению А.В. Юревича, отражало комплекс практической неполноценности советской психологии. Долгое время считалось, что только зрелая наука, решившая все основные методологические вопросы, объединённая единой парадигмой и теорией, способна к практической отдаче.

В своём прикладном варианте в советский период развития психология была представлена в основном в психиатрических больницах и в силовых ведомствах. Автору довелось поработать и в одной и другой организации.

В перестроечный период начался бум практической психологии, и как любая крайность, это происходило со значительными перегибами и издержками.

Современная психология приобрела ярко выраженную практическую ориентацию – направленность на применение и коммерциализацию психологического знания.

Психология начала решать практические задачи значительно раньше, не преодолев, а попросту обойдя свои главные методологические трудности, указывает А.В. Юревич, не став полноценной наукой в том смысле слова, который вкладывают в него учёные, считающие модель естественно-научного

познания единственно возможной [18], и это отрицательно сказывается на содержании и формообразовании её практического направления.

Объективные трудности усугубились отсутствием квалифицированных кадров. Существовала проблема массового притока в практическую психологию людей, которые психологами не являются или подготовлены по различным ускоренным программам – «скороспелые» специалисты. Объявления типа «Требуется психолог до 35 лет. Психологическое образование необязательно», которые с горечью цитируются в психологической литературе, это не анекдот, а реалии нашего времени.

Речь идёт о новой траектории развития практической психологии, предопределённой не столько внутренними потребностями науки, сколько социальным заказом и логикой рынка.

Появилось большое количество так называемых специалистов-психологов, которые неконвертируемы за пределами своих кабинетов и ведомств и не признаются равными в психологическом сообществе.

Но сейчас речь не об этом.

Мы обсудим проблему «схизиса» исследовательской и практической психологии в преломлении к возможностям специалистов, имеющих или получающих полноценное базовое психологическое образование.

В настоящее время большинство академических психологов и преподавателей вузов занимаются практической психологией, и это существенно меняет лицо последней.

Автору как специалисту, всю свою профессиональную жизнь совмещающему в одном лице эти две составные части нашей науки, очень близко понятие «научно-практическая деятельность».

В то же время укоренилось мнение, что практикой могут, а главное, должны заниматься психологи, получившие ускоренное и сокращённое образование, а психолога с базовым образованием это просто недостойно. Существенно недооцениваются возможности и мощный потенциал практической деятельности специалиста для взаимообогащения двух составных частей нашей науки.

Соответственно *первым условием* успешного преодоления водораздела между исследовательской и практической психологией, на наш взгляд, является стремление к такому положению дел, когда на смену практическим психологам придут полноценные специалисты, причём не только выпускники профильных вузов, но и психологи с учёными степенями.

Представляется, что именно в этом случае и практическая психология обретёт своё достойное лицо, и более реальными станут прогнозируемые теоретико-методологические прорывы в нашей науке, на которые уповают исследователи.

Обсуждаемое первое условие нуждается в пояснении.

Работа практического психолога с *неизбежностью* требует занятия исследовательской деятельностью. В связи с чем возникает эта *необходимость*? По мнению А.В. Юревича, с одной стороны, имеется дефицит академического знания, которое может быть использовано на практике. С другой стороны, это творческий характер самой практической психологии, имеющий как минимум три составляющих.

1. Практический психолог всегда имеет дело с индивидуальными случаями, поэтому обобщенного знания, которым он обладает, всегда недостаточно для решения стоящих перед ним уникальных проблем, они не могут быть решены путем проекции общих алгоритмов. Обобщенное знание и соответствующие алгоритмы всегда приходится адаптировать к индивидуальным случаям, что неизбежно оборачивается созданием нового знания.

2. Психолог-практик, конкретизируя и модифицируя общее знание, обобщает индивидуальное, формулирует свой личный опыт в общезначимых терминах, а иногда и в виде общих закономерностей. И это тоже порождает новое знание.

3. Любая ситуация взаимодействия психолога-практика с его клиентом уникальна не только вследствие того, что уникален клиент, но и в силу того, что уникальны сам психолог и ситуация его взаимодействия с клиентом, что неизбежно порождает новое знание об этом взаимодействии [18, с. 167].

Необходимость заниматься исследовательской психологией обусловлена социальным заказом общества, запросами потребителя, которому требуется качественная психологическая продукция.

Поясним это на конкретных примерах.

В случае экспертизы при приёме на службу или работу по результатам обследования составляются психологические заключения. В зависимости от того, кто составляет заключение – неконвертируемый психолог или психолог, проводящий практические изыскания в процессе своей практической деятельности, будут иметь место два совершенно различных продукта. Неконвертируемый психолог представит трафаретный набор фраз коллекционерского типа [8], где отдельно излагаются свойства внимания, памяти, особенности мышления, способов эмоционального реагирования на ситуацию, перечень невзаимосвязанных личностных характеристик, не объединённых никаким стержневым системообразующим основанием. В лучшем случае это будет структурированное описание без выявления механизмов, факторов, скрытых мотивов, основных тенденций развития личности. Здесь мы имеем дело с очень любопытным феноменом, который со ссылкой на Л.С. Выготского обсуждает А.Г. Асмолов: психология личности, довольствующаяся описани-

ем, всегда рискует вместо помощи человеку вернуть ему его же рассказ о себе самом².

В случае с психологом, проводящим научные изыскания в процессе своей практической деятельности, заключение в полной мере может быть названо психологическим портретом обследуемого. Оно построено с учётом не только особенностей поведения кандидата в процессе обследования, но и специфики его актуальной жизненной ситуации, анализа всего его жизненного пути, выявления кризисных, поворотных этапов его развития, изучения специфики ценностно-смысловых образований, характера активности по преодолению трудностей, выявления системообразующих факторов становления его личности. При этом специалист чётко понимает, что невозможно описать человека, вырванного из его естественных жизненных связей, из мира. Такое заключение – результат аналитической работы специалиста, в нём он, изучая личность обследуемого, выясняет, кем и как он сумел стать при данных внешних и внутренних, психологических, личностных и социальных условиях. Это единство, по мнению К.А. Абульхановой и М.И. Воловиковой, достигается в способе функционирования личности (модусе бытия [13]), объективации во времени и пространстве жизненного пути, множестве его форм, сфер, систем, а не задано её структурой, к которой она долгие годы сводилась в отечественной психологии, или совокупностью черт, с которыми её было принято соотносить в мировой персонологии [2, с. 5–6].

В наших исследованиях, а соответственно и в заключениях как практическом продукте, исходя из положений субъектно-бытийного подхода, мы осуществляем переход от простого выявления отдельных качеств и типологических характеристик личности к уяснению противоречий в становлении личностной и социальной идентичности и противоречий, возникающих в процессе её самоосуществления в различных личностных бытийных пространствах [13].

В результате, если при работе с заключением первого типа и аналогичной ему продукцией мы будем иметь ситуацию: пять заключений – пять человек (эти заключения можно применять в произвольном порядке), то в заключении второго типа возможна реконструкция скрытых мотивов поведения, когни-

² Л.С. Выготский приводит случай подмены житейским описанием более глубоких причин поведения личности, с которым он столкнулся в практике консультирования трудновоспитуемого ребёнка. Мать, приведшая своего восьмилетнего сына на консультацию к психиатру, рассказала, что её ребёнок испытывает приступы вспыльчивости, аффекта, злобы, гнева, опасен для окружающих. В этом состоянии он может запустить камнем в другого ребёнка, даже наброситься на него с ножом. «Расспросив мать, мы отпустили её, – пишет Л.С. Выготский, – посоветовались между собой и снова позвали её для того, чтобы сообщить ей результаты нашего обсуждения. “Ваш ребёнок, – сказал психиатр, – эпилептоид”. Мать насторожилась и стала внимательно слушать. “Это что же значит?” – спросила она. “Это значит, – разъяснил ей психиатр, что мальчик злобный, раздражительный, вспыльчивый, когда рассердится, сам себя не помнит, может быть опасен для окружающих, может запустить камнем в детей и т.д.” Разочарованная мать возразила: “Всё это я сама вам только что рассказала” [3, с. 49].

тивных схем, картины мира, прогнозирования поведения в различных ситуациях и специфики профессионализации личности обследуемого.

Кроме того, возникает парадоксальная ситуация.

Принято считать, что именно научное описание далеко от социальных запросов (люди не любят психологов, потому что в их описаниях и теоретических построениях они не узнают себя, как справедливо и с известной долей юмора отмечал психоаналитик Э. Гловер). Тем не менее именно заключение, построенное по логике и требованиям нашей науки (с учётом методологии практического исследования, интегративного подхода и т.п.), отвечает критериям ясности, доступности и понятности изложения, не вызывая недоумённых вопросов. Поэтому многие проблемы во взаимоотношении со специалистами другого профиля (медицинскими работниками, сотрудниками кадрового аппарата, руководителями подразделений) оказываются искусственными и надуманными или неотрефлексированными и упираются в квалификационные критерии специалистов.

В случае интегративного подхода оптимизируются рабочие взаимоотношения, повышается восприимчивость и откликаемость сотрудников кадрового аппарата и руководителей подразделений на инновационные предложения психологов, повышается качество предоставляемых ими материалов и характеристик на сотрудников, возрастает ответственность за эти характеристики и меры, которые по ним принимаются. Исключается то пресловутое грубое давление на специалиста, о котором любят говорить многие коллеги. На вашу качественную продукцию отвечают качественной продукцией. Не будет давления и недоумённых вопросов, касающихся того, почему именно это экспертное заключение вынесено вами, если вы будете убедительны и доказательны в изложении его содержания.

Второе условие преодоления схизиса между двумя ветвями психологии связано с необходимостью перераспределения полномочий решения научно-практических задач между центром и регионами (примером могут служить силовые ведомства). Это в свою очередь обусловлено необходимостью оперативного реагирования на масштабные социальные запросы в соответствии с их спецификой, требованиями и содержанием.

Практические проблемы разного уровня, а тем более те, которые сопоставимы по масштабам со стратегическим планированием организации, невозможно адекватно решить без обращения к научным теоретико-методологическим основам психологической науки.

Традиционно складывалось так, что центральные научно-исследовательские институты, в ведении которых находится реализация подобных проектов, могли заниматься этими проблемами годами. Соответственно в условиях динамизма современной жизни они не успевают за потребностями практики.

При этом многие проблемы требуют оперативного решения непосредственно на местах. И тогда, как это сложилось в нашем регионе, при наличии специалистов высокого уровня профессиональной квалификации материалы по программам, связанным, в частности, с психологическим сопровождением сотрудников, выезжающих в районы со сложной оперативной обстановкой, включающие предварительную проработку методологических и теоретических основ проблемы, содержательный и статистический анализ положения дел в этой области, готовятся в месячные сроки. Но это возможно, если вся предшествующая текущая деятельность, связанная с профессиональным отбором на службу и учёбу и должностным перемещением, была организована на научной основе и рассматривалась как составляющая более сложного системного процесса взаимодействия с различными службами и структурными подразделениями.

Повседневная деятельность практического психолога не мешает научной работе. Здесь нет разделения: днём – рутина, вечером – наука. Обе части органично вплетены в ежедневную текущую деятельность специалиста.

Как в настоящее время квалифицируется практическая психология?

Формально практическая, или прикладная, психология – это психологическая практика, имеющая такое же отношение к психологии как науке, какое инженерная практика имеет к физике. Однако в действительности психологическая практика – это больше, чем практика, она представляет собой достаточно самостоятельную область психологического познания [18]. Поэтому неудивительно, что практическая психология осуществляет собственную методологическую рефлексию и строит собственную рефлексивную методологию, что характерно для различных областей научного познания и знаменует их вступление в фазу зрелости.

Приведенное заключение А.В. Юревича, касающееся оценки статуса практической психологии и возможности методологической рефлексии в её рамках, можно выделить как *третье условие* преодоления расщепления между двумя составляющими нашей науки.

В своей практической работе нам удалось концептуализировать и изучить такой сложный феномен, как модус бытия личности в экстремальных условиях жизнедеятельности [13]. Это оказалось возможным благодаря интеграции двух организационных стратегий: *исследовательской и научно-практической*.

Организационная исследовательская стратегия по выявлению модуса бытия личности в экстремальных условиях предполагает следующую этапность работы:

1) организация клинической беседы на основе принципов методологии психологического обследования личности как субъекта самопознания и саморазвития;

2) выявление системы разноуровневых противоречий по результатам клинической беседы и материалам социально-психологического изучения кандидата;

3) выявление внутриличностных типологических противоречий (модель дифференциально-типологического анализа личности Г.Ю. Фоменко);

4) анализ противоречий в различных бытийных пространствах на основе структурно-динамической модели личности З.И. Рябикиной³;

5) анализ особенностей экзистенциальных противоречий.

Выявленная специфика модуса бытия личности позволяет прогнозировать особенности профессионализации и возникновение кризисных явлений.

Организационная научно-практическая стратегия реализуется на основе разработанной нами ранее методологии практического исследования личности как субъекта самопознания и саморазвития [12]. Организация научно-практической работы на основе выработанных принципов способствует стимуляции субъектной активности личности в соответствии со спецификой взаимодействия эксперта и обследуемого («уравнение в правах» испытуемых и психологов; учёт двусторонности процесса изучения участников взаимодействия; привлечение обследуемого в качестве эксперта полученных результатов; личность как субъект интерпретации); сочетание качественных и количественных методов в условиях лонгитюдного обследования с интеграцией информации со всех уровней личностной бытийности на каждом из этапов профессионализации; синтез эмпирики и теории), благодаря чему заключение по результатам психологического обследования и другие итоговые документы (служебные справки, аналитические записки и т.п.) являются продуктом не только практической, но и исследовательской деятельности, поскольку содержат обобщения высокого уровня, отвечающие критериям научного знания.

Они могут служить материалом аналитической исследовательской работы. Причём обобщение материалов научно-практического этапа и его концепту-

³ По мнению З.И. Рябикиной, личность предстаёт как структурное, полисистемное образование, включающее пространство психических явлений и объективные пространства личностной бытийности (организм, события среды, деятельность). В психологическом пространстве они воссоздаются как взаимосвязанные взаимопересекающиеся подпространства: «планы и структуры поведения», «образ мира», «мотивационно-потребностная сфера». Захватывая смысловое или собственно личностное поле, они репрезентированы в личностном смысле как его компоненты: конативный, когнитивный, аффективный. В структуре личности системно организованное пространство смыслов занимает позицию над феноменами бытийного слоя психики и объективными пространствами её бытийности. Развитие личности и обретение человеком личностной зрелости сопряжены с появлением и возрастанием способности к порождению новых образований внутри пространства смыслов и самоактуализацией, трактуемой автором как экспансия Я на внешние пространства, вследствие чего объективные пространства становятся бытийными пространствами личности, её продолжением и частью.

ализация не требуют дополнительного обращения к результатам конкретных методик для их статистического анализа.

В связи с тем что данная информация нам доступна и на собственно исследовательском этапе, полученные формализованные материалы рассматривались в индивидуальном преломлении к конкретному человеку и подвергались качественному анализу для выявления проблемных моментов и противоречий в контексте исследовательской тематики [13].

Четвёртое условие преодоления схизиса – это сближение исследовательской и практической психологии через проблематизацию специалистом своей практической деятельности. Необходимо научиться выкристаллизовывать это содержание из повседневной, казалось бы, рутины, которая таковой не является.

Нам созвучна позиция Н.С. Пряжникова и Е.Ю. Пряжниковой, согласно которой настоящая психологическая проблема – это своеобразная линза, через которую преломляются многие силовые линии бытия. Именно осознанная проблема позволяет интегрировать всё лучшее, что накоплено в различных психологических направлениях. Примечательно, что в теории систем именно общая цель или общая проблема являются главным системообразующим признаком, так как «именно цель, общая проблема строит систему», а без неё всё превращается лишь в набор хаотичных и бессмысленных элементов [10].

Переходя к проблемам прикладного характера, подчеркнем, что все вопросы практического плана по своей сути являются комплексными, включёнными в живую ткань человеческого бытия, поэтому они наиболее остро ставят проблему продуктивной и корректной интеграции теоретических оснований психологического знания и целостного научно-практического мышления.

Необходимость комплексного объяснения изучаемых психологических феноменов обуславливает то, что наши теоретические построения выступают не самодовлеющей целью, а исходным инструментом для планирования исследований и интерпретации полученных результатов, а также более эффективного решения практических задач в целом.

Завершая статью о схизисе современной психологии и возможных условиях и путях его преодоления, приведем одно метафорическое рассуждение. Обсуждая переход современной психологии от монологичности к диалогичности, Д.А. Леонтьев со ссылкой на лидера диалогического направления Губерта Херманса подчёркивает, что диалогичность Я (self), внутреннее многоголосие является нормой и не тождественно шизофреническому расщеплению. Здоровое Я, по мнению Губерта Херманса, подразумевает многоголосие, но при этом обязательно сохранение метапозиции, которая позволяет увидеть внутри между этими голосами определённые связи, упорядочить и структурировать вариативность позиций внутри Я. [7, с. 61–62.].

В данной статье нами обсуждались пути и возможности выхода в подобную метапозицию, видение целостности при кажущемся расщеплении, причём вне зависимости от того, к какой преимущественно ветви – исследовательской или практической принадлежит тот или иной специалист-психолог. Мы солидарны с Т.В. Корниловой, которая, обсуждая проблему ложных дихотомий в психологии и затрагивая, в частности, данный аспект современного системного кризиса психологии, акцентирует внимание на том, что дело уже не в разработке когнитивных оснований науки, а в нормализации социальной составляющей её развития. Раскрытие ошибок на пути ложных противопоставлений является важным для дальнейшей интеграции психологии [6, с. 115].

В заключение синтезируем выделенные нами условия преодоления расщепления между двумя составными частями психологии.

Первое условие – это закрепление в практической сфере высококвалифицированных специалистов-психологов на постоянной основе.

Второе условие – необходимость ведомственного перераспределения полномочий в решении научно-практических задач между центром и регионами (например, в силовых ведомствах).

Третье условие – разработка рефлексивной методологии практической психологии. В этом случае любые служебные задачи реализуются в научно-практическом контексте и рассматриваются как элемент сложного системного образования, что позволяет на основании полученных результатов выдвигать теоретические предположения, касающиеся сути и содержания сложных понятийных конструктов (в нашем случае это модус бытия личности в экстремальных условиях жизнедеятельности; профессионализация личности и т.п.). А далее создаётся возможность использовать арсенал теоретического дискурса для повышения потенциала практики. Таким образом, осуществляется взаимобратимость и обогащение научно-практической и исследовательской организационных стратегий.

Четвёртое условие – интеграция исследовательской и практической психологии через проблематизацию специалистами своей практической деятельности.

В случае комплексной реализации указанных условий проблема схизиса между этими ветвями психологии может быть отнесена к разряду ложных дихотомий.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001.
2. Абульханова К.А., Воловикова М.И. Психосоциальный и субъектный подходы к исследованию личности в условиях социальных изменений // Психологический журнал. 2007. Т. 28, № 5.

3. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Academia, Смысл, 2007.
4. Василюк Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6.
5. Гусельцева М.С. Постмодернистские перспективы развития психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М.: Институт психологии РАН, 2007.
6. Корнилова Т.В. Экспериментальная парадигма или ложные дихотомии в психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М.: Институт психологии РАН, 2007.
7. Леонтьев Д.А. Неклассический вектор психологии // Постнеклассическая психология. 2005. № 1 (2).
8. Мошкова Г.Ю. Биографический метод и творческая личность учёного // Вопросы психологии. 1994. № 2.
9. Научное исследование, его принципы и структура // Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2000.
10. Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю. Психология труда и человеческого достоинства. М.: Академия, 2003.
11. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. основы психологической антропологии. Психология человека. Введение в психологию субъективности: учеб. пособие для вузов. М.: Школа-Пресс, 1995.
12. Флоровская Г.Ю. Методология психологического обследования и воспитания личности как субъекта самопознания и саморазвития (на материале сотрудников органов внутренних дел ГУВД Краснодарского края): Дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 1998.
13. Фоменко Г.Ю. Парадоксальность как конституирующее качество профессионального бытия психолога // Человек. Сообщество. Управление. 2004. № 1.
14. Фоменко Г.Ю. Личность как субъект бытия в экстремальных условиях: Дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар, 2006.
15. Эткин А.М. Психология практическая и академическая: Расхождение когнитивных структур внутри профессионального сознания // Вопросы психологии. 1987. № 6.
16. Юревич А.В. Психология и методология. М.: Институт психологии РАН, 2005.
17. Юревич А.В. Системный кризис в психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2.
18. Юревич А.В. Психология и методология // Психологический журнал. 2000. № 5.